

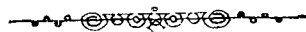
ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

К И Т А Й

ИЗБРАННЫЕ РАССКАЗЫ

Л Я О Ч Ж А Я

1622—1715

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

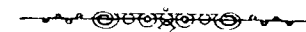
ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Л Я О Ч Ж А Й

МОНАХИ ВОЛШЕБНИКИ

ИЗ СБОРНИКА СТРАННЫХ РАССКАЗОВ
ПУ СУНЛИНА (ЛЯО ЧЖАЙ ЧЖИ И)

ПЕРЕВОД И ПРЕДИСЛОВИЕ
В. М. АЛЕКСЕЕВА

МОСКВА — МСМХХІІІ — ПЕТРОГРАД

Настоящее издание отпечатано в
типографии Первой Петроградской
Трудовой Артели Печатников (Мо-
ховая, 40) в количестве 5.150 экз.
Петрооблит № 7486.—Гиз № 5772.

МОНАХИ ВОЛШЕБНИКИ

ИЗ СБОРНИКА СТРАННЫХ РАССКАЗОВ

ПУ СУНДИНА

ПРЕДИСЛОВИЕ

1

Монахи, о которых идет речь в этих рассказах Пу Сунлина, писавшего под псевдонимом Ляо Чжай, вмешиваются в человеческую судьбу на правах волшебников. В чарах их волшебства поток событий принимает совершенно обратное естественно-ожидаемому направление, и этим автор выигрывает в фавуле.

Народная фантазия, давшая Ляо Чжаю канву его рассказов, представляет себе монаха в двух видах: с одной стороны, это презренный тунеядец, обманщик и смешной человек; с другой—это святитель, знающий магические приемы, и потому опасный, заслуживающий всяческого почитания и не подлежащий оскорблениям. Ляо Чжай взял, конечно, вторую версию отношений народа к монахам, ибо рассказы его, считающиеся шедеврами литературного творчества, не анекдоты и не пасквили.

Китайский монах—это, прежде всего, монах буддийской религии, сэн, тамьнь,—на разговорном языке—хэшан. Он, как преемник и последователь учения Будды, мало доступного во всей своей сложности простому человеку, идеализуется, главным образом, как святитель, вмешивающийся в тайны перерождения одной формы бытия в другую. Запутав фавулу рассказа до безвыходности, Ляо Чжай берет монаха—сэна, как некоего *deum ex machina* античного театра, и заставляет его распутать весь узел событий, невидимая ткань которых была, как всегда оказывается, единственно реальной. Омрачение же людей мира состояло в том, что они, отнесясь к монаху с насмешкой и пренебрежением, не усмотрели в нем проникновенной личности и чудотворца.

Затем, это монах даосской веры, начавшейся, как и буддизм, с философии отрицания мира и бога, и вместе с ним превратившейся в служение миру и богу. Идеальная личность монаха этого толка предполагает, точно так же, постижение им тайн сверхбожества, отвлеченного и непостижимого простыми людьми Дао, а потому и вооруженного против зол жизни, которая для него проста, как для фокусника фокус.

Этот монах, главным образом, фокусник и есть, хотя и компетенция в перерождении форм бытия ему не чужда.

Таким образом, вся группа рассказов, объединенных в этом томе, разрешает свою интригу вмешательством хэшана или даоса, святителей, чудотворцев, гипнотизеров и фокусников. Перед нами вопрос, как нам отнестись к этим рассказам и их автору? Верил ли он сам во все это,— хотя бы и в начале XVIII века,—при какой обстановке и зачем он их писал?

II

Начать с этого самого слова: вера, верить. В одном и том же китайском слове синь совмещено два мировоззрения, вряд ли уживающиеся друг с другом. Синь конфуцианца-джентльмена означает пятое из основных достижений светлой конфуцианской личности: веру в людей, которым человек благородства служит и которых призывает к такому же служению. В это же самое время синь буддийское означает религиозную веру в Будду и его благодать, которая для простолюдина несложна: перерождение в лучшую форму бытия и подание земных благ. Следовательно, это синь есть нечто обратное первому: вера не в людей, а в бога; вера, соединенная, скорее всего, с презрением к людям и ищущая высших сил.

Ляо Чжай был ученый конфуцианского воспитания, и поскольку он был искренний последователь этого учения, его синь была верою в людей, не нуждающуюся ни в какой сверхъестественной силе и санкции, а тем более—в суеверии (ми синь). Конфуцианство всегда было принципиальным атеизмом, презирало религии, возглавляемые (хотя бы и в позднейшей лишь стадии) божеством, как, например, буддизм, даосизм, христианство, и вело с ними жестокую борьбу, не останавливающуюся перед государственным преследованием. Следовательно, Ляо Чжаю, аспиранту на государственные должности и потому обязанному исповедывать конфуцианский символ веры без всяких компромиссов, было, как будто, не к лицу писать рассказы, переполненные лисьими и всякими иными оборотнями, бесами, наваждениями и, наконец, чудесами, исходящими от монахов.

И действительно, решаясь выступить с огромным сборником подобных рассказов, он написал очень интересное к нему предисловие. в котором, заранее учитывая все насмешки, которые конфуцианцы-ортодоксы будут в него направлять, он указывает, однако, на примеры крупных литературных имен, не чуждавшихся сверхъестественных тем,—особенно в тех случаях, когда автору, знающему себе цену, совсем иную, нежели та, что ему давали другие, в жизни, говоря попросту, не везло. Он звал к себе все стихии. особенно незримые, и обращался к ним за справедливостью.

Все предисловие есть как бы извинение перед читателем и сообщение ему оснований, по которым Ляо Чжай пал так низко. В Китае такое предисловие было необходимо. Вряд ли оно было бы необходимо у нас, где Гоголевский «Вий», «Ундина» Жуковского, «Русалка» Пушкина не нуждаются в оправданиях. А между тем, при переводе их на китайский язык, пришлось бы китайскому читателю очень многое сказать по поводу этих тем, и точно так же задать вопрос: верили ли наши писатели в то, о чем писали? В сущности говоря, вопрос одинаково нелеп, как в первом, так и во втором случае, и на нем приходится останавливаться исключительно, чтобы избежать недоразумений, могущих мелькнуть в уме неподготовленного читателя.

III

Прекратив разговор о вере и неверии в бесов и оборотней, остановимся на уважении к человеческому вымыслу, который, по самой своей природе, должен быть безграничным. Наложить на него узду в том или ином виде значит быть просто варваром, и, следовательно, такое крупное имя, как Ляо Чжай, живущее до сих пор на своей родине полною жизнью, в наших оправданиях и изъяснениях не нуждается. «Мои предшественники по литературному жанру,—говорит Ляо Чжай в своем предисловии—сами пели небесными свирелями, не выбирая нравящихся мелодий... И правильно, очень правильно!» Вымысел Ляо Чжая есть, таким образом, «небесная свирель», т. е. звук стихий, не подчиняющихся указке и воздействию человека.

Однако, не трудно видеть, что, давая полный простор этой самой свирели своего вымысла, Ляо Чжай увлекался ею не более, чем всякий другой новеллист. Самым ценным, как для него, так и для умеющих его читать, было мастерство литературного приема, заключавшегося в обработке народного поверья на интеллигентский, литераторский лад.

Для этого он, прежде всего, усилил до необычайной яркости столкновение химеры с действительностью; сгладив, в то же время, эпизодические неровности, на которые сказка не обращает внимания.

Затем, он изложил сообщенное ему в разговорной форме на самом сложном и тонком литературном языке, отстоящем от разговорного чрезвычайно далеко,—так далеко, как незнающий китайского языка и представить себе не может. Так, например, заигрывая с очутившейся среди полей плачущей девушкой, которая, очевидно, не получила никакого образования, молодой студент произносит следующую фразу: «Цин, хэ чоую? Хо кэ сяоли—бу цы е!» В этой фразе нет ни одного разговорного слова, она неслышима уху, и, потому, в карикатурном виде—ибо русский язык бессилен передать мысль в неслышимой версии—эта фраза может, приблизительно, звучать для безграмотной женщины «по русски»

так: «Синьора, à quoi bon детрессы и тристессы? Эвентуально силу дэ-влопировать—не откажусь; sic!» На самом деле, студент сказал, вероятно, так: «Сяо гуняр, ни выйшымма нэма булэи? Уо яошы нынчау бандзуни, цзю бу цылоба!», иначе говоря, слова совершенно иные, и тогда смысл ясен: «Барышня, что это ты такая невеселая? Если я смогу тебе помочь,— не откажусь!»

Отсюда ясно, что язык Ляо Чжая непереводим, и всякая его руссификация—грубая подделка.—вернее, перевод с предварительного перевода на разговорный язык насыщенной, литературной речи Ляо Чжая. Однако, в местах описаний, в стихах, характерных письмах и т. д. можно до некоторой степени приблизиться к оригиналу, а так как, за исключением диалогов, таких мест едва ли не большинство, то это именно приближение и можно принять за некоторый перевод, хотя и прерываемый по-минутно примечаниями.

Этот литературный прием и есть, пожалуй, главное достоинство рассказов Ляо Чжая, написанных для ученых самой тонкой духовной организации, которым, например, не претит даже самая грубая эротика, раз она дана в двойственном языке. С утратой в переводе этого именно приема и литературного достоинства, мы возвращаемся к фабуле талантливого рассказчика, сталкивающего химеру и действительность на протяжении двух-трех строк с такою силой, какая вряд ли какому другому новеллисту была знакома.

IV

Однако, при переводе с восточных языков нужно, кажется, сильно разграничить две области: область всечеловеческого, воспринимаемого читателем легко и свободно, и область специфического, воспринимаемого с трудом и раздумием. В повестях Ляо Чжая первым элементом является фабула, говорящая сама за себя, хотя лишь в ничтожной, по сравнению с оригиналом, степени. Вторым—тот самый литературный прием неслышимого, условного языка, о котором только что шла речь, и который с оговорками и примечаниями в добросовестном переводе (а не беглом переложении) не усваиваем.

Есть, однако, еще третий литературный прием, не менее важный, чем первые два, к которому нужно читателя точно так же подготовить¹⁾.

Конфуцианец Ляо Чжай, конечно, не удовлетворился бы простым приданием литературной гладкости народной сказке. Его далекий учитель заповедал ему приобрести с классическим образованием углублен-

¹⁾ В предисловии к «Лисьим Чарам», т. I сборника странных рассказов Ляо Чжая, вышедшем в 1922 году, многое уже об этом сказано, хотя и не в той схеме.

ный и решительный критицизм, направленный к суждению человека по поступкам и тайным, не проявленным намерениям.

И Ляо Чжай от этой миссии не отступил. Он ввел в свои рассказы, помимо суеверных простолодинов, и ученого, который, таким образом, волею вымысла Ляо Чжая, очутился во власти враждебной ему по духу образования стихии. Стихия эта, однако, — особенно в виде женщины-красавицы и волшебника с рогом изобилия—соблазнительна, так что конфуцианский, джентльменский устой подвергается самому серьезному искушению.

И вот, психология борьбы страсти с заповедью и рассудком, словесная казнь, клеймление неустоявшего, — и, наоборот, хвала герою—составляет третий литературный прием Ляо Чжая, выразившийся с особою выпуклостью в его «послесловиях» («Историк этих странностей скажет здесь так...»). Написанные особо изысканным языком, они точно так же принадлежат к специфическому элементу литературного произведения, и поэтому, усваиваются,—как в оригинале, так тем паче в переводе,—не без труда и раздумия.

Однако, эти сопроводительные послесловия не везде на лицо, и в этом нельзя не усмотреть некоторого чувства меры: иначе все рассказы пахли бы тематичностью. С другой стороны, иногда они разрастаются в огромные литературные тирады, превышающие своими размерами рассказ.

Здесь переводчику порой приходилось пасовать, ибо фраза у Ляо Чжая в этих случаях сплошной намек, остроумие — в двойном смысле каждого слова, что при переводе дало бы сплошные загадки, сопровождаемые громоздкими примечаниями.

V

Остается сказать еще несколько слов о расположении материала.

В самом оригинале «Ляо Чжай чжи И» рассказы идут друг за другом, объединенные одним лишь И, т. е. причудливыми странностями всякого рода (главным образом, нечистой силой), и этот порядок был бы, вероятно, наиболее нормальным.

Однако, в 1919 году, когда был начат перевод этих повестей, переводчик не был уверен в том, что ему удастся дать полный перевод всех 445 повестей. Тогда он решил объединить рассказы в серии сюжетов, в роде таких: «Лисьи Чары», «Монахи-волшебники», «Гадатели-маги, вещие сны», «Феи» и т. д.

При этих условиях тематическое объединение является единственным способом сообщить каждому тому законченность, снабдить его объединяющим сюжетом предисловием. Впрочем, если в «Лисьих Чарах» сплошная тема

лисы могла утомлять читателя, то в этом томе, где монаху-волшебнику отводится иногда лишь краткая, эпизодическая, хотя и решающая роль, одна и та же тема сильно укрыта за очень сложной фабулой, что позволяет смотреть на сборник, как на не объединенный помимо оригинала.

В добавление к предыдущим словам о переводе и его отношениях к оригиналу, остается сказать, что в этом томе перевод еще ближе к оригиналу, чем в предыдущем, а в связи с этим стоит и разросшееся количество примечаний.

Переводчик думает, что подобное решение задачи для него, по крайней мере, единственное.

В. Алексеев

Апрель 1923.

СОДЕРЖАНИЕ

	стр.
Предисловие	7
Расписная стена	13
Как он садил грушу	17
Даос с гор Лао	20
Душа чанциньского хэшана	25
Превращения святого Чэна	28
Даос Цзюй Яожу	38
Остров блаженных людей	39
Талисман игрока	58
Девушка из Чанчжи	63
Врачебное искусство Чжана	67
Воскресший Чжур	71
Даос угощает	79
Шантаж	84
Сян Гао в тигре	91
Злая жена Цзян-Чэн	94
Волшебник Гун	108
Колдовство хэшана	118
В погоне за бессмертной Цин-Нгэ	120
Монахи-иноземцы	132
Бо Цюань любила стихи	134
Нищий хэшан	146
Пока варилась каша	148
Чары и феи Бо Юйюя	160
Фокусы Даоса Дая	173
Студент Чжун и осел	175
Змеиный питомник	184
Сумасшедший Даос	186

	СТР.
Хуань Нян у люти	188
Жизнь Ло Цзу	198
Министр литературного просвещения	201
Апельсиновое дерево	217
Винный червяк	219
Грызет камни	221
Речь птиц	222
Укрощение Пуй Мына	225
Как он выгнал привидение	237
Фужуны в месяц стужи	240
Студент Сунь и его жена	245
Разрисованная кожа	250
Мертвый хэшан	257
Исцеление Ян Дахуна	259
Друг монахов, студент Ли	262
Бесовка Сяо Се	264

„ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА“

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ

НОВОСТИ «ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»:

Г. Д'Аннунцио	— „Ноктюрн“, ц. 1 р.
П. Бенуа	— „Атлантида“, роман, ц. 40 к.
„	— „Дорога гигантов“, ц. 75 к.
А. Беро	— „Страдания толстяка“.
С. Бржозовский	— „Зарево“, роман из эпохи народо-вольцев, ц. 1 р. 25 к.
Г. Верфель	— „Человек из зеркала“, пьеса, ц. 60 к.
К. Гамсун	— „Соки земли“, роман, ц. 65 к.
Г. Гауптман.	— „Зимняя баллада“, пьеса, ц. 33 к.
П. Гюэль	— „Беседы А. Франса“, ц. 70 к.
О. Генри	— Рассказы, ц. 1 р.
„	— „Короли и капуста“, роман, ц. 90 к.
Г. Гольст	— Лирические драмы, ц. 45 к.
Ж. Дюамель	— „Полночная исповедь“.
С. Лагерлев	— „Гномы и люди“, рассказы, ц. 35 к.
Р. Маран	— „Ватуала“, африканский роман, ц. 45 к.
К. Мейринк	— „Голем“, роман, ц. 70 к.
М. Маркс	— „Женщина“, роман, ц. 50 к.
М. Матерлинк	— „Белая невеста“, пьеса, ц. 40 к.
Дж. Мэйзфилд	— Пьесы.
Дж. Папини	— „Конченный человек“.
Папалаги	
Ж. Ромэн	— „Довогоо-Тонка“, кинематографический роман, ц. 25 к.
Р. Роллан	— „Кола Бреньон“, роман, ц. 70 к.
„	— „Пьер и Люс“, роман, ц. 35 к.
„	— „Клерамбо“, роман, ц. 1 р.
„	— „Аннет и Сильвия“, роман, ц. 55 к.
Дж. Синг	— „Герой“, пьеса, ц. 55 к.
Э. Синклэр	— „Сто процентов“, роман, ц. 75 к.
„	— „Ад“.
А. Струг	— „Деньги“.
Г. Уэллс	— „Неугасимый огонь“, роман, ц. 40 к.
Ф. Унру	— „Род“, „Площадь“, пьесы, ц. 1. 10 к.
А. Франс	— „Жизнь в цвету“, роман, ц. 80 к.
Л. Франк	— „Человек добр“, роман, ц. 65 к.
К. Штернгейм	— „Четыре новеллы“.
К. Эдшмид	— „Шесть пригоков“, новеллы, ц. 60 к.
„	— „Тимур“, рассказы.
Экспрессионизм	— Сборник статей, с иллюстр., ц. 1 р. 40 к.

Цены обозначены в червонцах по курсу Госбанка.

„ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА“

П Е Ч А Т А Е Т С Я :

Г. Клейст	— Собрание сочинений, т. 3-й.
Стендаль	— „Пармский монастырь“.
Вольтер	— „Орлеанская девиственница“.
Э. Синклер	— „Испытания любви“.
В. Гауф	— Сказки.
Монголо-ойратский эпос	
Иса-Моногатари	— Лирические повести древней Японии.
Р. Тагор	— Пьесы и стихотворения в прозе.
Г. Бергсгедт	— „Александрсен“.
Л. Фульда	— „Тень осла“.
Фр. Грильпарцер	— Пьесы.
Э. Гофман	— Сочинения, т. I.
Эса де-Кэйрош	— Рассказы.
Г. Уэллс	— Рассказы.
”	— „Любовь и мистер Льюишэм“.
В. Гете	— „Поэзия и правда“, ч. II.
А. Ренье	— „Героические мечтания“.

Вышли в свет издаваемые „ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРОЙ“
журналы:

„СОВРЕМЕННЫЙ ЗАПАД“

книги 1-я, 2-я и 3-я.

Под редакцией Е. И. Замятина, А. Н. Тихонова,
К. И. Чуковского и Абр. Эфроса.

Печатается № 4-й.

„ВОСТОК“

книги 1-я, 2-я и 3-я.

Под редакцией академика С. Ф. Ольденбурга, академика И. Ю. Крачковского, профессора В. М. Алексеева, проф. Б. Я. Владимирцова и А. Н. Тихонова.

Печатается № 4-й.

ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА:

- 1) Москва, Ильинка, Биржевая пл., Богоявленск. пер., № 4.
- 2) Петроград, Пр. 25 октября (Невский), № 28. Тел. 549-82.